

«ИЩИ ЖЕ ИСТИНУ — ОНА ЭТОГО ХОЧЕТ»

Так звучит финальная фраза одной из мыслей Блеза Паскаля, в большом количестве вошедших в «Мысли мудрых людей на каждый день» (1903) — первый из четырех созданных Толстым в 1900-е годы сводов афоризмов. И своим названием этот свод также обязан «Мыслям» («Pensées») Паскаля, впечатление от чтения которых было, по словам Толстого, огромным. Французский философ в «Мысли» Толстого вошел под простонародно-русским именем Влас, в отличие от соседствующего с ним, но сохранившего свою европейскую идентичность англичанина Джона Рёскина. Власом нарекло Паскаля толстовское издательство «Посредник», выпустившее в 1889 году в переложении для народного чтения его биографию и изречения под заглавием «Французский мудрец Влас Паскаль».

В 1910 году Толстой записал в Дневнике: «Чудное место Паскаля. Не мог не умиляться до слез, читая его и сознавая свое полное единение с этим, умершим сотни лет тому назад, человеком. Каких еще чудес, когда живешь этим чудом?!»

Запись эта по-толстовски полемична — утверждая, она отрицает. Отрицает богословские чудеса, задачу очищения от них текста Евангелия и всего церковного верования Толстой осознал и определил для себя очень рано, записав в Дневнике в марте 1855 года: «Вчера разговор о божественном и вере навел меня на великую громадную мысль, осуществлению которой я чувствую себя способным посвятить жизнь. Мысль эта — основание новой

религии, соответствующей развитию человечества, религии Христа, но очищенной от веры и таинственности, религии практической, не обещающей будущее блаженство, но дающей блаженство на земле».

Утверждает Толстой в 1910 году то, что исповедовал и проповедовал неустанно, — чудо единения людей разных эпох, разных культур и вероисповеданий в понимании или разумении (это его определение) истинного смысла жизни, состоящего в «желании блага всему существующему». В собрании «мыслей» у Толстого нет поэтому ни первых, ни последних, «ни эллина, ни иудея», но явлено чудо созвучия, согласия, гармонии мыслей, в чему создатель свода (а он больше, чем составитель) со всей очевидностью стремился. Эллины и иудеи, если понимать буквально, в изречениях философов-стоиков Марка Аврелия и Эпиктета и в многочисленных текстах Талмуда здесь представлены наравне с другими — с заповедями из Евангелия и индуистских Вед, с сокровищами китайской и браминской «мудрости», с Конфуцием и Лао-Цзы. Толстой стремился обнаружить и продемонстрировать вечные, внеисторические и вненациональные, всечеловеческие, объединяющие людей нравственные начала.

Есть свидетельства о дорогом Толстому чуде единения и в его более ранних записях. Так, в записной книжке 1 февраля 1878 года во время чтения «Книги о заблуждениях и истине» французского мистика Сен-Мартена он оставил запись: «Закон нравственный, написанный в моем сердце и подтвержденный преданием <...> необычайно! Я трудом, муками дошел до того самого». Запись относится ко времени завершения «Анны Карениной», и в финале романа чудо единения «со всеми» как богооткровение, спасающее от мысли о самоубийстве, переживает Константин Левин.

Рассказ о собственном мучительном пути поисков истины содержит «Исповедь» (1879–1882) Толстого, обозначившая рубеж его нравственного переворота («...со мной случился переворот, который давно готовился во мне и задатки которого всегда были во мне»). На пути «постижения жизни» Толстой здесь выделяет «ступени» или «круги». Начало любого знания он видит в личном духовном опыте человека, вне этого опыта «искание общего смысла жизни» превращается в «соблазн праздного умствования». Но «вымученное» индивидуальное знание не является истиной конечной и бесспорной. Так, заблуждением оборачивается горькая истина героя «Исповеди» о зле и бессмыслице жизни. Неизбежным становится расширение границ индивидуального опыта. «Я оглянулся шире вокруг себя», — несколько раз повторяет автор «Исповеди», определяя тем самым второй «круг» познания — знание окружающих. Обнаружив разногласия мнений и здесь, он наконец обращается к «кругу» последнему и важнейшему — к преданию, к знанию «миллиардов отживших», к тому, что «выработало для руководства своего всё человечество». В главе XII «Исповеди» в притче о пловце предание названо направлением, держась которого только и возможно «выгрестись к берегу» — к Богу. Позднее в трактате «Так что же нам делать?» (1882–1886) речь также пойдет о «данном хозяином направлении»: «И направление это дано так очевидно несомненно, и во всей и жизни окружающих нас людей, и в совести каждого человека, во всем выражении мудрости людей...». В «руководстве» нельзя сомневаться, «направление» не может быть ложным, им как единой и бесспорной истиной поверяется, по Толстому, любой индивидуальный опыт.

Все это так, однако и «доверие к себе» у Толстого самоценно, и именно принцип «доверия к себе» в его поздних сочинениях выступает как главный принцип и

художественного, и религиозно-философского познания. «Судить мы можем только по себе, — пишет Толстой. — Для того, чтобы описать человека — пускай это будет Христос — надо описывать, судя по себе (иначе и нельзя)...» Или: «...изучать жизнь в других существах, не имея определения своей жизни, это всё равно, что описывать окружность, не имея центра ее». Субъективному знанию и опыту, несмотря на абсолютную ценность опыта предания, в толстовской теории познания отведена исключительная роль. Яркий субъективизм определил и его отношение к преданию. Показательно, например, его признание в письме к Н. Н. Страхову от 27 января 1878 г.: «Одна проверка, которой я подвергаю и всегда буду подвергать эти предания, это то, согласны ли даваемые ответы с смутным одиночным ответом, начертанным у меня в глубине сознания...». «Знание миллиардов отживших» предстает поэтому у Толстого всегда сильно окрашенным его индивидуальностью.

И в этом — залог его уникальной свободы. Если в утверждении истины, в ее проповеди Толстому необходимо единение «со всеми», с живущими и «миллиардами отживших», то в свободном выборе, в неприятии, в отрицании и сомнении он не страшится остаться совершенно один. «Смутный одиночный ответ, начертанный в глубине сознания», также неизменно служит ему и «руководством», и «направлением».

Неустойчивое и противоречивое соотношение общего и индивидуально-личного отразил и свод «Мыслей мудрых людей». Толстовская индивидуальность сказалась здесь во всем — в отборе материала, в характере его жанрово-композиционной организации, и особенно отчетливо — в стилистической обработке, поскольку переводы и переложения мыслей составитель свода выполнял самостоятельно. Уместно, пожалуй, говорить о проделанной

Толстым их тематической и стилистической унификации. Единой объединяющей авторской волей определяется внутренняя целостность каждого из толстовских сводов, что позволяет рассматривать их не просто как собрания изречений, но как своеобразные религиозно-философские трактаты, составляющие органическую часть его верования. При этом в «Мыслях мудрых людей» как первом из сводов ощущаются некоторые диспропорции в выборе и распределении изречений, есть и имена, которые в соседстве с другими могут показаться случайными. И они действительно из позднейших толстовских сборников исчезнут. Однако тем интереснее это первое собрание вместе со всеми возникающими при его чтении вопросами.

Не многие помнят, что у толстовской «Исповеди» имеется подзаголовок — «Вступление к ненапечатанному сочинению». Вступлением она стала ко всем созданным Толстым после нее богословским, философским и публицистическим произведениям. В поисках смысла жизни, как свидетельствовал Толстой в «Исповеди», он обратился к христианскому учению и обнаружил, что в нем «ложь примешана была к истине»: «Но откуда взялась ложь и откуда взялась истина? И ложь и истина переданы тем, что называют церковью. И ложь и истина заключаются в предании, в так называемом Священном Предании и Писании. И волей-неволей я приведен к изучению, исследованию этого писания и предания...»

В последующие годы Толстой подвергает переоценке и пересмотру все церковное христианство, от Священного Писания до Священного Предания. Он оспаривает основные догматы христианства в полемическом трактате «Исследование догматического богословия» (1879–1880). Он переводит и перелагает в соответствии с собственным толкованием тексты Евангелий, создав в итоге свое четвероевангелие — «Соединение и перевод четырех

Евангелий» (1880–1881). Собственное понимание христианства он излагает в трактатах «В чем моя вера?» (1882–1884), «О жизни» (1886–1888), «Царство Божие внутри вас» (1893). Систематическое изложение его богословие получает в 64 главах (с соответствующими параграфами) трактата «Христианское учение» (1894–1896).

В этом трактате Толстой вновь большое внимание уделяет преданию. Ответ на вопрос о смысле жизни, пишет он в Предисловии, «более или менее ясно высказывали все лучшие люди человечества и до и после евангелия, начиная с Моисея, Исайи, Конфуция, древних греков, Будды, Сократа и до Паскаля, Спинозы, Фихте, Фейербаха и всех тех, часто незаметных и непрославленных людей, которые искренно, без взятых на веру учений, думали и говорили о смысле жизни. Так что в познании почерпнутой мной из евангелия истины я не только не был один, но был со всеми лучшими людьми прежнего и нашего времени». Цель человеческой жизни, пишет далее Толстой, «цель ближайшая определенная и доступная и радостная», «открывается человеку и наблюдением, и преданием, и рассуждением <...> Предание показывает человеку, что все мудрецы мира всегда учили тому, что человечество должно от разделения переходить к единению...»

К Священному Преданию относились, как известно, многочисленные сочинения Отцов Церкви, в числе которых были и сборники изречений «*Aprophigmata patrum*», то есть сборники поучений, «мудрых мыслей» (апофегм). Вместо них Толстой в своем противостоянии церковному христианству и стремился составить собственные, с иными заповедями и апофегмами. Как часть Священного Предания Церковь рассматривала и жития святых и другие одобренные ею назидательные повествования. И эту часть «ложного», по его оценке, предания Толстой поставил своей целью заменить преданием истинным.

С середины 1880-х годов в этом направлении активную работу вело издательство «Посредник», занимавшееся собиранием, переложением, изданием и распространением общедоступных поучительных текстов под девизом «Не в силе Бог, а в правде». Той же задаче отвечали и «Народные рассказы» Толстого.

С традицией церковной литературы толстовские своды мыслей связывает избранный их составителем композиционный принцип. Он повторяет принцип построения Четых Миней и Пролога (которые, кстати говоря, Толстой прекрасно знал и к сюжетам которых неоднократно обращался). Жития святых и другие нравоучительные повествования в этих объемных четых сводах располагались в соответствии с годовым богослужебным кругом, по календарным дням памяти святых.

В 1880-е годы мысль о составлении сборника изречений, который объединил бы разных мыслителей прошлого не оставляет Толстого. В Дневнике 15 марта 1884 года он, например, записал: «Мое хорошее нравственно состояние я приписываю тоже чтению Конфуция и главное Лаоцы <так!>. Надо себе составить Круг чтения: Эпиктет, Марк Аврелий, Лаоцы, Будда, Паскаль, Евангелие. — Это и для всех бы нужно. Это не молитва, а причащение». Поразительная запись! Молитва на страницах толстовского дневника отражает состояние богооставленности, причащение есть противоположное ему состояние богообретения.

Летом 1885 года Толстой пишет своему близкому другу, издателю и редактору его произведений В. Г. Черткову: «...я по себе знаю, какую это придает силу, спокойствие и счастье — входить в общение с такими душами, как Сократ, Эпиктет, Арнольд Паркер... Очень мне хотелось составить Круг чтения, т. е. ряд книг и выборки из них, которые все говорят про то одно, что нужно человеку

прежде всего, в чем его жизнь, его благо». Как видим, в 1880-х Толстой определил уже замысел «Круга чтения», однако осуществит он его в полном объеме только 20 лет спустя.

Весной 1886 года Толстой приступил к работе по составлению сборника народных пословиц и в беседе с Н. Л. Озмидовым, занимавшимся подбором пословиц, заметил: «...многие из пословиц, т. е. нравственные, есть само учение Христа <...> выраженное метким, кратким и сильным народным языком. Простое и ясное в устах народа, как чистая и вечная правда». «Календарь с пословицами на 1887 год» вышел в издательстве «Посредник» в январе 1887 года, материал в нем расположен по месяцам.

Обращение Толстого к жанру афористики определялось разными причинами, помимо ориентации на традицию, на Священное Предание. О высокой степени свободы, которую чувствовал Толстой в афористике в сравнении с работой над художественными текстами, говорит его дневниковая запись от 27 августа 1891 года: «Есть огромное преимущество в изложении мыслей вне всякого цельного сочинения. В сочинении мысль должна часто сжаться с одной стороны, выдаться с другой, как виноград, зреющий в плотной кисти; отдельно же выраженная, ее центр на месте, и она равномерно развивается во все стороны».

Особенность афоризма — способность жить вне контекста, сохраняя при этом всю полноту своего смыслового содержания. Как пишет исследователь изречений французских моралистов В. Бахмутский, «жить вне контекста — значит быть выключенным из временного потока речи, существовать вне связи с прошлым и будущим, выражать нечто вечно пребывающее». Н. А. Бердяев в «Самопознании» отметил: «Афоризм для меня есть

микрокосм мысли, в нем в сжатом виде присутствует вся философия, для которой нет ничего отдельного и частного. Это конкретно-целостная философия». Афоризм был органичен для богословской системы позднего Толстого с ее внеисторичностью, стремлением к универсальности и целостности.

Особый интерес представляют в «Мыслях мудрых людей» высказывания, подписанные инициалами Л. Т. Их, распределенных по месяцам, немного, в общей сложности 25. Инициалы Л. Н. Т., как мы помним, стояли под повестью «Детство» — первым произведением Толстого, опубликованным в 1852 году в «Современнике». В «Круг чтения» собственные изречения его составитель будет включать уже без подписи, как анонимные, уведомив в Предисловии: «Мысли без подписи или взяты мною из сборников, в которых не обозначены их авторы, или принадлежат мне».

Почему, может возникнуть вопрос, к числу избранных мудрецов, апостолов истины Толстой так самонадеянно, как кажется, относит и себя? На этот вопрос и себе и читателям он отвечал неоднократно, и определеннее всего — в Предисловии к трактату «Христианское учение»: «...если я говорю истину, то истина эта не моя, а Божья, и что только случайно часть ее проходит через меня, точно так же, как она проходит через каждого из нас, когда мы познаем истину и передаем ее». В Завещании, составленном им в Дневнике 18 марта 1895 года, Толстой писал о том же: «Еще и главное прошу всех и близких и дальних не хвалить меня <...> а если уж хотят заниматься моими писаниями, то вникнуть в те места из них, в которых, я знаю, говорила через меня Божья сила, и воспользоваться ими для своей жизни. У меня были времена, когда я чувствовал, что становился проводником

воли Божьей. Часто я был так нечист, так исполнен страстями личными, что свет этой истины затемнялся моей темнотой, но все-таки иногда эта истина проходила через меня, и это были счастливейшие минуты моей жизни». Чуть раньше, здесь же, в Дневнике, появилась запись о соблазне гордыни: «Главное, надо помнить и понимать, что всякое внешнее дело, как бы оно велико ни казалось, есть ничтожество, что ты маленький, крошечный червячок, служащий делу Божьему, <...> что ты величина только в той степени, в которой ты проявил в себе Бога. Прислушиваться же к своему значению есть соблазн из соблазнов, величайший и вреднейший соблазн. Избави меня от него, Отец».

Есть ответ Толстого на тот же вопрос и в «Мыслях мудрых людей»: «Всякая истина имеет своим началом Бога. Когда она проявляется в человеке, то это не показывает того, чтобы она исходила из человека, но только то, что человек имеет свойство такой прозрачности, что может проявлять ее» (Л. Т., 5 апреля).

Какие еще афоризмы Л. Т., кроме приведенного выше, мы находим в «Мыслях»? Из широко известных — рассуждение о человеке как дроби: «Человек есть дробь. Числитель это — сравнительно с другими — достоинства человека; знаменатель — это оценка человеком самого себя. Увеличить своего числителя — свои достоинства, не во власти человека, но всякий может уменьшить своего знаменателя — свое мнение о самом себе, и этим уменьшением приблизиться к совершенству» (28 июня).

Большинство изречений Толстого — о смысле жизни, о ее рождении и росте (одна из его любимых тем), о соблазнах и покаянии, о ложном и истинном знании — написаны специально для этого сборника. Таковы мысли: «Все истинно великое совершается медленным, незаметным ростом» (6 февраля); «И то, что мы называем счастьем,

и то, что называем несчастьем, одинаково полезно нам, если мы смотрим на то и на другое как на испытание» (11 сентября). Сравним последнюю запись с мыслью Паскаля: «Всё от Бога, и потому всё благо, — зло есть только невидимое нами по близорукости благо» (7 мая).

Под тем же 7 мая находим другое изречение Толстого: «Если ты еще не дошел до той степени, когда тебе представляются две истины противоречащими одна другой, ты еще не начинал мыслить». Парадоксальности суждений, парадокса как приема, характерного для жанра афоризма, Толстой избегал. И эта его мысль составляет, пожалуй, в «Мыслях мудрых людей» одно из немногих исключений. Не случайно она возникает в соседстве с любителем «трагически серьезных» парадоксов Паскалем.

Как будто следуя мысли от 7 мая о противоречащих друг другу истинах и вопреки труду их согласования и сопряжения, а может быть, и в силу художественного соблазна, Толстой включает в свое собрание и такие странные, казалось бы, и «легкомысленные» изречения, как один из афоризмов Джона Рёскина: «Лучшие мысли обыкновенно те, которые приходят без всяких усилий и неизвестно как» (3 апреля). Напоминает ахматовское: «Когда б вы знали, из какого сора...» А в следующем месяце у того же Рёскина читаем: «Мы потому любим предметы за их несовершенство, которое божественно предопределено, чтобы законом человеческой жизни было усилие...» (15 мая).

Есть в «Мыслях мудрых людей» и изречения совершенно толстовские, и не только по словесному оформлению и звучанию, но и по содержанию, заставляющие вспомнить его широко известные художественные тексты. И легко представить, почему подобные смысловые совпадения всегда казались самому создателю свода чудом. Почти дословной цитатой из «Войны и мира», например, повто-

рением мыслей Пьера Безухова во французском плену, воспринимается одно из изречений Эпиктета: «Вот тюрьма; какой вред мне, моей душе в том, что она стоит. <...> Их тюрьмы, цепи, оружие не поработят моего духа. Тело мое могут взять, но дух мой свободен, и ему никто ни в чем не может помешать...» (7 июня).

Мысли для всех собранных и изданных им сводов Толстой переводил или перелагал самостоятельно. Подчиненные его общей оркестровке, они обретали необходимое создателю свода звучание. Об этом в Предисловии к «Кругу чтения» он писал: «...выбирая часто отдельные мысли из длинного рассуждения, я должен был, для ясности и цельности впечатления, выпускать некоторые слова и предложения и иногда не только заменять одни слова другими, но и выражать мысль вполне своими словами, так как цель моей книги состоит не в том, чтобы дать точные словесные переводы писателей, а в том, чтобы, воспользовавшись великими, плодотворными мыслями разных писателей, дать большому числу читателей доступный им ежедневный круг чтения, возбуждающего лучшие мысли и чувства».

Показателен, например, толстовский перевод знаменитого изречения Канта о «звездном небе» из заключения к «Критике практического разума». Вот как оно, помещенное под 19 марта, звучит в «Мыслях мудрых людей»: «Вечно новым и постоянно возрастающим удивлением и благоговением две вещи наполняют душу, чем чаще и постояннее ими занимается размышление: звездное небо надо мною и закон нравственности во мне». Канта, как и Шопенгауэра, Толстой читал в 1869 году, работая над эпилогом «Войны и мира», и вернулся к чтению обеих его «Критик» много позднее, в 1887 году. Итогом чтения явилось то, что кантовский афоризм был помещен Толстым в качестве эпиграфа к трактату «О жизни» (1886–1888),

и здесь он звучит иначе: «Две вещи наполняют душу постоянно новым и возрастающим удивлением и благоговением, и тем больше, чем чаще и внимательнее занимается ими размышление: звездное небо надо мной и нравственный закон во мне».

Свои предпочтения в выборе мыслителей-философов для сводов мыслей Толстой объяснил в Предисловии к «Избранным мыслям Лабрюйера» (1907), где писал: «Деятельность человеческого разума по отношению познания законов, управляющих жизнью людей, всегда проявлялась двояко. Одни мыслители старались привести в определенную связь и систему все явления и законы жизни человеческой. Таковы все составители философских теорий от Аристотеля и до Спинозы и Гегеля. Другие же содействовали познанию законов человеческой жизни не стройными системами, а отдельными наблюдениями над этой жизнью, меткими выражениями, указывающими на те вечные законы, которые руководят ею. Таковы были мудрецы древности, составлявшие сборники изречений, и христианские мистические писатели, и в особенности французские писатели 16, 17 и 18 веков, доведшие этот род до высшей степени совершенства. Таковы были, не говоря уже об удивительном Монтене, писания которого отчасти принадлежат к этому же роду, мысли и максимы Ларошфуко, Лабрюйера, Паскаля, Монтескье, Вовенарга. <...>

Выгода мыслителей первого рода: связность, полнота, стройность их учения. Невыгода: искусственность построения, придуманность связи между частями, часто явные отступления от истины ради соблюдения стройности целого учения и вследствие этого часто неясность, туманность изложения. Выгода вторых: непосредственность, искренность, новизна, смелость и как бы стремительность мысли, ничем не связанной, и сила выражения.

Невыгоды же: отрывочность и иногда внешнее противоречие, хотя большей частью кажущееся, а не внутреннее. Главное же преимущество этого второго рода то, что тогда как сочинения первого рода — философские системы — часто отталкивают своей педантичностью; если же и не отталкивают, то ослабляют ум читателя, подчиняя его и лишая самобытности; книги второго рода всегда привлекают своей искренностью, изяществом и краткостью выражений; главное же, не только не подавляют самостоятельной деятельности ума, но, напротив, вызывают ее, заставляя читателя или делать дальнейшие выводы из прочитанного, или, иногда даже совершенно не соглашаясь с автором, спорить с ним и приходиться к новым, неожиданным заключениям».

Пополнением, совершенствованием «Мыслей мудрых людей», как и их очищением от случайного или неорганичного Толстой постоянно занимался до последних месяцев жизни. Продолжением «Мыслей» стал собиравшийся им в 1904–1908 годах и вышедший первым изданием в 1906 году в двух томах «Круг чтения» с подзаголовком: «Избранные, собранные и расположенные на каждый день Львом Толстым мысли многих писателей об истине, жизни и поведении». Построенный по тому же принципу чтения «на каждый день» в течение года, он включал, помимо афоризмов, в качестве недельных чтений и сюжетные повествования — поучительные новеллы, рассказы, притчи. Разрастаясь, расширяясь, этот свод лег в основу следующих собраний — задуманного как «Новый круг чтения» и получившего окончательное заглавие «На каждый день. Учение о жизни, изложенное в изречениях» (1907–1909) и итогового свода изречений — «Путь жизни» (1910). Работа собирания, накопления, выстраивания, «улучшения» этих гигантских коллекций-тезаурусов увле-

кала Толстого. 14 августа 1904 года он сообщал, например, В. Г. Черткову: «Я в эту минуту занят приятной и легкой работой собирания мыслей». Личный секретарь Толстого Н. Н. Гусев вспоминал, как тот сказал, выйдя к завтраку: «А я сегодня провел время в прекрасной компании: Сократ, Руссо, Кант, Амиель...» В предисловии к «Кругу чтения» в 1908 году Толстой признавался: «Я желал бы, чтоб читатели испытали при ежедневном чтении этой книги то же благотворное, возвышающее чувство, которое я испытал при ее составлении и продолжаю испытывать теперь как при ежедневном чтении ее, так и при работе над улучшением ее второго издания».

В Дневнике Толстого под 23 октября 1909 года осталась знаменательная запись, ставшая, в свою очередь, широко цитируемым афоризмом: «Одна из главных причин ограниченности людей нашего интеллигентного мира — это погоня за современностью, старание узнать или хотя иметь понятие о том, что написано в последнее время. „Как бы не пропустить“. <...> И эта поспешность и набивание головы современностью, пошлой, запутанной, исключает всякую возможность серьезного, истинного, нужного знания. А как, казалось бы, ясна ошибка. У нас есть результаты мыслей величайших мыслителей, выделившихся в продолжение тысячелетий из миллиардов и миллиардов людей, и эти результаты мышления этих великих людей просеяны через решето и сито времени. Отброшено все посредственное, осталось одно самобытное, глубокое, нужное; остались веды, Зороастр, Будда, Лаодзе, Конфуций, Ментце, Христос, Магомет, Сократ, Марк Аврелий, Эпиктет, и новые: Руссо, Паскаль, Кант, Шопенгауэр и еще многие. И люди, следящие за современностью, ничего не знают этого, а следят и набивают себе голову мякиной, сором, который весь отсеется и от которого ничего не останется».

Результатом изучения и собирания «плодотворных мыслей разных писателей» стали и многочисленные изданные Толстым в 1907—1909 годах сборники изречений отдельных авторов: «Избранные мысли Лабрюйера, с прибавлением избранных афоризмов и максим Ларошфуко, Вовенарга и Монтескье», «Избранные мысли Лабрюйера», «Избранные афоризмы и максимы Ларошфуко», «Избранные афоризмы и максимы Вовенарга», «Избранные мысли Монтескье», «Изречения Магомета, не вошедшие в Коран», «Изречения Лао-Тзе», «Жизнь и изречения Кришны» и другие.

А. Гродецкая

Л. Н. ТОЛСТОЙ

МЫСЛИ

МУДРЫХ ЛЮДЕЙ

НА КАЖДЫЙ

ДЕНЬ

ЛЕНИЗДАТ
КЛАССИКА